Реальный текст ЕГЭ по русскому языку 2020. Ильин «Про Россию»

Разве можно говорить о ней? Она — как живая тайна: ею можно жить, о ней можно вздыхать, ей можно молиться; и, не постигая ее, блюсти ее в себе; и благодарить Творца за это счастье; и молчать…

Но о дарах ее; о том, что она дала нам, что открыла; о том, что делает нас русскими; о том, что есть душа нашей души; о своеобразии нашего духа и опыта; о том, что смутно чуют в нас и не осмысливают другие народы… об отражении в нас нашей Родины — да будет сказано в благоговении и тишине.

* * *

Россия одарила нас бескрайними просторами, ширью уходящих равнин, вольно пронизываемых взором да ветром, зовущих в легкий, далекий путь. И просторы эти раскрыли наши души и дали им ширину, вольность и легкость, каких нет у других народов. Русскому духу присуща духовная свобода, внутренняя ширь, осязание неизведанных, небывалых возможностей. Мы родимся в этой внутренней свободе, мы дышим ею, мы от природы несем ее в себе. — и все ее дары, и все ее опасности: и дары ее — способность из глубины творить, беззаветно любить и гореть в молитве; и опасности ее — тягу к безвластью, беззаконию, произволу и замешательству… Нет духовности без свободы; — и вот, благодаря нашей свободе пути духа открыты для нас: и свои, самобытные; и чужие, проложенные другими. Но нет духовной культуры без дисциплины; — и вот, дисциплина есть наше великое задание, наше призвание и предназначение. Духовная свободность дана нам от природы; духовное оформление задано нам от Бога.

Разливается наша стихия, как весенняя полая вода, — ищет предела вне себя, ищет себе незатопимого берега. И в этом разливе наша душа требует закона, меры и формы; и когда находит, то врастает в эту форму свободно, вливается в нее целиком, блаженно вкушает ее силу и являет миру невиданную красоту…

Что есть форма? Грань в пространстве; мера и ритм во времени; воля, закон и долг в жизни; обряд в религии. Всмотритесь в линии нашей иконы; в завершенные грани наших храмов, дворцов, усадеб и изб; почувствуйте живой, неистощимый ритм нашего стиха, нашей музыки, нашей свободно творимой пляски — все это явления свободы, нашедшей свой закон, но не

исчерпанной и не умерщвленной им. Так в старину облик царя венчал собою свободное биение народной жизни, но не подавлял и не умерщвлял его; ибо народ свободно верил своему царю и любил его искренно, из глубины. Так православный обряд наш дышит успокоением и свободой в своей завершенности, цельности, и гармоничной, мерной истовости.

Не разрешена еще проблема русского национального характера; ибо доселе он колеблется между слабохарактерностью и высшим героизмом. Столетиями строили его монастырь и армия, государственная служба и семья. И когда удавалось им их дело, то возникали дивные, величавые образы: русские подвижники, русские воины, русские бессребреники, претворявшие свой долг в живую преданность, а закон — в систему героических поступков; и в них свобода и дисциплина становились живым единством. А из этого рождалось еще более высокое: священная традиция России — выступать в час опасности и беды добровольцем, отдающим свое достояние и жизнь за дело Божие, всенародное и отечественное… И в этом ныне — наша белая идея.

Наша родина дала нам духовную свободу; ею проникнуто все наше лучшее, все драгоценнейшее — и православная вера, и обращение к царю, и воинская доблесть, и наше до глубины искреннее, певучее искусство, и наша творческая наука, и весь наш душевный быт и духовный уклад Изменить этой свободе — значило бы отречься от этого дивного дара и совершить предательство над собою. А о том, как понести бремя этого дара и отвратить опасности на нашем пути — об этом должны быть теперь все наши помыслы, к этому должны быть направлены все наши усилия. Ибо, если дисциплина без свободы мертва и унизительна, то свобода без дисциплины есть соблазн и разрушение.